Ветер и дождь прекратились.

Линг Мяомяо приоткрыла глаза и, к своему изумлению, обнаружила, что сломанные конечности глиняной статуи нагромождены в небольшую гору. Она была разделена пополам, а черный лотос стоял в центре, словно ледокол, без усилий прорезая путь свету.

Она глубоко вдохнула, охлаждая легкие холодным воздухом. Она чуть не проглотила жемчужину во рту, из-за чего некоторое время задыхалась, прежде чем резко выкашлять его с громким звуком.

«Кхе-кхе-кхе… это… что это?»

Красный свет вокруг Му Шэна временно уменьшился, но злая ци, плавающая между его бровями, не рассеялась. Яростным ударом наотмашь он хлопнул ее по бедру и закричал: «Держи во рту!»

Его шлепок по ее бедру был далек от осторожного или легкого, и это так потрясло Линг Мяомяо, что она немедленно положила жемчужину обратно в рот, не задумываясь, пока ее сердцебиение барабаном билось в ее груди.

Из-за сладости крови она не могла глотать. Что это был за мир? Зачем заставлять ее проглотить эту безвкусную бусину?

Она сделала паузу на мгновение, а затем пробормотала каким-то неразборчивым голосом с жемчужиной за щекой: «Ты… ты не собирался меня бросить?»

Му Шэн молчал долгую секунду, прежде чем яростно возразить: «Скажи еще хоть слово, и я тебя тут же брошу».

Линг Мяомяо молчала. Она наконец поняла. Черный лотос спас ее после путешествия по бесчисленным чертогам своего разума. Теперь он дулся на собственное сострадание, которое не должно было проявиться.

«Тогда отпусти меня, я... я сама пойду?» Она очень осторожно украдкой взглянула на его затылок. Она дважды изогнулась и хотела соскользнуть с его спины, но обнаружила, что все ее тело застыло, как каменная глыба. Не говоря уже о том, чтобы ходить, даже просто «извиваться» было уже невозможно. В большом шоке она воскликнула: «Почему я совсем не могу двигаться?!»

Ее разум закружился, и все перевернулось с ног на голову. Она закричала голосом, полным горя и негодования: «Ты снова прикрепил этот чертов талисман мне на спину?!»

Му Шэн сделал паузу на мгновение, прежде чем объяснить сердитым, сдержанным тоном: «Твое тело абсолютно не сопротивляется аромату афродизиака. С очищающей таблеткой во рту и талисманом на спине ты едва можешь сопротивляться, поняла?»

Линг Мяомяо мгновенно прекратила перечить. «...ох».

Это тело было настолько слабым, что могло выбесить и людей, и богов. Трансмиграторы, которые были такими же слабыми и хрупкими, как она, действительно были “один на миллион”, невиданное доселе зрелище.

Держа нефритовую табличку вдовствующей супруги Чжао, она должна была найти шариру

вместо вдовствующей супруги. Однако глядя на ее нынешнюю ситуацию с Му Шэном, намеренно отстраняющимся, чтобы наблюдать за развитием событий... сможет ли она когда-нибудь найти его?

Считая прошедшее время, уже перевалило за час кабана (21:00 - 23:00), когда они смогут перегруппироваться с главными героями?

«Эй, Му Шэн…»

Мяомяо больше всего боялась затянувшегося безжизненного молчания.

В прошлом, когда она отправлялась в поездку с друзьями, она всегда сидела на переднем сидении и разговаривала с водителем, чтобы не дать ему уснуть. Ее голос был одновременно четким и ярким, поэтому, даже если бы она понизила его, он все равно был бы похож на мягкое позвякивание серебряного колокольчика. В долгой, утомительной дороге он будет наполнять воздух смехом и весельем.

Когда она, наконец, решила, что выскажется, она стала особенно невежественной и бесстрашной: «Знаешь ли ты, что существуют слепые жуки? Чтобы случайно не съесть своих детенышей, они выделяют жидкость и протирают ею все тело новорожденных жуков. Они различают запахи, чтобы ориентироваться, так что сейчас ты тоже…»

Му Шэн обернулся и холодно посмотрел на нее.

На его спине лежал маленький кролик, его пушистая голова прижалась к затылку и тихонько ластилась взад-вперед. Он понятия не имел, что за бессмысленную шутку она пыталась сказать, но подсознательно обращал внимание на все это.

Слепой жук… кого она имела в виду?

В прошлом, когда это были он и Му Яо, его сестра говорила только о заклинаниях и праведности. После знакомства с другими барышнями все они пытались говорить только замысловато и сложно. Однако в ней все было необычно.

Иногда он действительно задавался вопросом, правда ли Линг Мяомяо была воспитана как благородная девушка в будуаре, а не была каким-то животным из пустыни и бамбуковых лесов, которое обрело разум?

«Не сердись, ах…» Мяомяо сделала паузу и глубоко вздохнула, отчего у него зачесалась шея. «Я не хотела называть тебя старым жуком, мне просто было любопытно.»

Его зрачки были глубокими, и неожиданно внутри было какое-то веселье. Вокруг ее тела было какое-то легкомысленное сияние, достаточное для того, чтобы другие чувствовали нежелание прерывать ее.

«Когда используется обратный талисман, его трудно контролировать. Если бы ты слизнула мою кровь, и я не смог бы узнать тебя из-за этого, ты могла умереть.»

Мяомяо подумала про себя, значит, я правильно угадала?! Зачем ты намеренно все мистифицируешь?

«Однако у меня такое большое лицо, так почему ты поставил метку на моих губах? Я не могла не проглотить ее неосознанно, а ты все еще ругаешь меня…»

Му Шэн повернул голову, чтобы посмотреть на ее дрожащие ресницы, и огонь, который он только что подавил, снова вспыхнул, мгновенно заполнив все его тело.

Почему в то мгновение, когда он собрал каплю крови, он не мог не двинуться к ее бледно-белому лицу, к ее ярко-красным губам?

Почему?

Всегда были некоторые вещи, которые происходят в мгновение ока и не должны быть чрезмерно продуманы. Если пытаться их понять, то можно только разозлиться.

«…Ты слишком много говоришь.»

Линг Мяомяо чувствовала волнение в тоне черного лотоса. Понимание, скопившееся в глубине ее сердца, снова перешло черту.

В настоящее время этот критический момент был очень деликатен. Нужно было перешагнуть уровень киноварной родинки и заменить белый лунный свет в его сердце [1]. Один шаг вперед мог привести к мирной и спокойной жизни, а другой шаг мог привести к тому, что все рухнет в одно мгновение. Каждое ее действие сейчас должно быть чрезмерно продуманным.

Более того, в данный момент у нее не было достаточно уверенности, чтобы хоть как-то это выполнить.

Ее лицо в мгновение ока изменилось на задумчивое выражение лица молодой девушки: «Правильно, ты думаешь, что сестра Му и остальные также попадут под влияние этого аромата афродизиака?»

Услышав имя Му Яо, сердце Му Шэна мгновенно подпрыгнуло. Однако, тщательно обдумав это, он решил, что Лю Фуи и Му Яо оба были опытными охотниками на демонов; Даже если один из них заразится, то это будет только хрупкая принцесса Дуаньян.

В следующую секунду голос Линг Мяомяо внезапно раздался прямо рядом с его ухом, сочась кислинкой: «Что, если принцесса Дуаньян поддастся влиянию аромата афродизиака и соблазнит брата Лю? А потом воспользуется братом Лю? Он такой теплый и нежный, он точно не откажет ей, если это случится… ах!»

Вдруг показалось, что по всем ее костям ползают насекомые, и невыносимое чувство в одно мгновение полностью захлестнуло ее.

«Му Шэн!» Она чувствовала, как слезы брызнули из ее глаз.

……

Му Шэн был в некотором трансе, когда он посмотрел на амулет в своей руке и опустил ресницы. Он услышал только половину того, что она сказала, когда волна злого огня ударила ему в голову и захлестнула его чувства; Недолго думая, он просто разорвал талисман на ее одежде.

«Ох… быстрее надень его обратно на меня…» Мяомяо не могла совладать с собой, извиваясь как сумасшедшая на его спине. Она была похожа на дворянина, страдающего от героиновой зависимости, с бисеринками пота на лбу: «Разве так поступают друзья?!»

Му Шэн слегка повернул голову, и его холодные глаза остановились на ней: «Теперь тебе удобно?»

Мяомяо подняла голову, чтобы встретиться с ним взглядом. Ее ресницы стали влажными и сверкнули, когда она сказала недоверчивым тоном: «Что ты сказал?»

Черный лотос неглубоко улыбнулся ей своими черными водянистыми глазами, похожими на бездну. Его тон был исключительно теплым: «Если тебе удобно, то молчи».

Весь путь Линг Мяомяо был очень насыщен событиями.

Аромат афродизиака проник в ее кости; В настоящее время она была в полумертвом состоянии, и ей все еще приходилось держать эту очищающую таблетку во рту. Это держало ее на краю пропасти, едва не давая ей потерять сознание.

Среди ее сумбурности она увидела галлюцинацию, как парит в воздухе ее настоящее лицо, мрачно насмехающееся над ней, как бы говоря ей: «Перестань себя переоценивать».

«Извини, я больше не буду тебя ругать.» Линг Мяомяо посмотрела на ее лицо, полное соплей и слез, протянула руку, хватая воздух, пытаясь взять ее за руки: «Сестренка, мне тебя так жалко, ты вынуждена была выйти замуж такого человека, как жалко …»

Му Шэн был проницателен и почувствовал движение, идущее позади него, отчего его нервы напряглись.

Линг Мяомяо была более стойкой, чем он думал, и большую часть пути тихо оставалась неподвижной как труп. Несмотря на то, что слезы, которые она не могла сдержать, падали на его спину со звуками "стук-стук", она не издала ни звука, даже когда чувствовала себя на грани жизни и смерти.

В этот момент он услышал, как она вдруг начала бормотать себе под нос. Его ноги остановились, когда его уши внимательно прислушались, только чтобы услышать, как она хмыкнула: «Линг Ю… Прости… Я больше не буду тебя проклинать…»

Му Шэн был поражен и слегка повернул голову, опасаясь, что она сошла с ума после того, как больше не могла сопротивляться. Он нарочно толкнул ее, пытаясь разбудить: «…зачем ты ругаешь сама себя?»

Когда ее толкнули, у Линг Мяомяо уже кружилась голова. Как только она открыла рот, очищающая пилюля из ее рта выпала и с глухим стуком упала на землю. Затем она откатилась далеко в темноту.

«Ва…» Глаза Линг Мяомяо мгновенно почернели, и она тут же потеряла сознание.

Му Шэн, «….»

Он тут же напряг спину и почувствовал себя несколько беспомощным. Это действительно была катастрофа… эта пилюля тоже была отложена только для чрезвычайных ситуаций, но теперь они были в глуши, где он мог взять еще одну очищающую пилюлю?

Он на мгновение заколебался, а затем опустил свое тело, желая положить Линг Мяомяо на землю. Однако кто мог знать, что с последними остатками своего разума она проснется с ярко-красными щеками и блестящими глазами, до краев наполненными непролитыми слезами,

мертвой хваткой схватит его за рукава и в великом страхе воскликнет: «Я не буду ничего брать в рот с земли!»

Земля была усеяна останками монстров и кровью, а после того, как они прошлись туда-сюда, кто знает, как сейчас выглядел пол?

Му Шэн повернул голову, чтобы посмотреть на нее. Убедившись, что взгляд в ее глазах был настоящим сопротивлением и что она настрадалась настолько, что забыла свой гнев он спросил: «Чего ты тогда хочешь?»

«Иди туда». Как только она указала, она встряхнула ноющими руками и ногами и с большим трудом глубоко вдохнула. Она почувствовала, что лежит на спине Му Шэна, и одной рукой крепко обхватила его за шею, как будто боялась, что этот ее конь скинет ее. «Золотой Будда в центре храма… может… может подавлять демонов».

Этот Будда был самой важной и драгоценной статуей в храме Синшань.

Императорская семья экстравагантно вложила деньги и использовала чистое золото, чтобы создать великолепную и шокирующую божественную статую. Каждый раз, когда вдовствующая супруга Чжао приходила в храм Синшань, она всегда приходила и отдавала ему дань уважения.

У каждого организма на земле была какая-то слабость. Даже если храм Синшань был более зловещим, как только священный образ был вырезан в золоте, он был неумолимо запятнан эфирной природой Будды, безмолвно наблюдающего за всем сущим.

Они не знали, что именно перед этим самым Буддой у принцессы Дуаньян пошла кровь из всех отверстий. В панике вдовствующая супруга Чжао услышала тонкий и хриплый голос:

«Верная Чжао Циньру, тебе не кажется, что ты поклоняешься не в том месте?»

С двумя свечами, поставленными на стол, помещение было хорошо освещено. Мяомяо оперлась на жертвенный стол, яркая краснота на ее лице медленно сходила.

Пока она поднимала голову, она видела золотое тело Будды, высокое как гора. Отражая мутно-желтый свет свечи, все было залито сияющим желтым светом. Его поза была слегка скошена под углом, он смотрел на всех с жалостью.

Мяомяо легла на ногу Будды сбоку. Ее сердце было спокойным и наполненным ощущением, что она прислонилась к высокому дереву и расслабилась в его тени.

«Му Шэн, почему ты не подходишь?»

Юноша стоял в центре зала один, словно нематериальная черная тень. Он был похож на самого непостижимого блуждающего призрака в мире. Только когда ветерок трепал повязку на его волосах, он обретал ту юношескую жизненную силу, которая должна была быть у юноши.

Он услышал ее и медленно повернулся, подойдя ближе к ней. Казалось, он пытался что-то почувствовать, даже не выказывая ни малейшего уважения, а потом поднял голову, переводя взгляд.

Лицо Будды было полно безмятежной доброжелательности.

"Треск… треск…"

Линг Мяомяо засомневалась в собственном слухе, когда вдруг услышала, как что-то трясется позади нее.

Этот звук был похож на звук маленького цыпленка, который вот-вот вылупится из яйца, заставив ее покраснеть от шока и забеспокоиться…

Только когда она увидела лицо Му Шэна, она медленно открыла рот, поворачивая голову с ошеломленным видом.

"Треск-треск-трекс…"

Будда дрожал с невероятной скоростью, как будто внутри что-то сильно завелось.

Линг Мяомяо уставилась на Му Шэна: «Это… это…»

Му Шэн прищурился на Будду, в его улыбке совсем не было тепла: «Демонические существа действительно чувствительны к себе подобным».

~~~~~~~~~~

[1] Киноварная родинка и белый лунный свет. - Cinnabar mole and white moonlight. В китае есть одна популярная песня (я, честно, не помню название и автора), слова которой переводятся примерно как: “У каждого мужчины есть белая и красная любимая. Если он выберет белую, то через несколько лет она станет рисинкой на его одежде, а красная превратится в киноварную родинку на его сердце. Если же он выберет красную, то она станет следом от комара на стене, а белая превратится в недосягаемый белый лунный свет.” Белая красавица здесь — невинная и чистая, а красная — роскошная и роковая. Это песня о незабываемой первой любви, и авторы новелл очень любят вставлять эти два термина в свои работы. :)

http://tl.rulate.ru/book/44922/3144912
~~~~~~~~~~